

КОНФЕРЕНЦИЯ

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»,
организованной при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-14001), Президиума
РАН и научно-методическом содействии Отделения историко-филологических наук РАН

И. С. Агафонов (Москва)

«ЗНАМЕНСКОЕ ЧУДО» В НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЯХ: ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА¹

В феврале 1170 г. союзные войска нескольких русских княжеств, возглавляемые Мстиславом Андреевичем, сыном Андрея Боголюбского, подошли к стенам Новгорода. Причиной этому послужил целый ряд политических коллизий — от выбора новгородцами неугодного Андрею Юрьевичу князя — до столкновения на Двине новгородских и суздальских данщиков. Войска союзников, осадившие город, не только не смогли его взять, но и были разбиты новгородцами, возглавляемыми князем Романом Мстиславичем, посадником Якуном и вдохновляемыми епископом Новгородским Ильей-Иоанном.

Весьма обширный комплекс памятников, посвященных этому событию, получил в научной традиции название Знаменского цикла. Эти произведения имеют длительную историю изучения. Существенным вкладом в исследование Цикла нужно признать дореволюционные работы архиеп. Сергия (Спасского), Е. Е. Голубинского, П. Л. Гусева [Сергий, с. 486–487; Голубинский, с. 406–408; Гусев]. Позже этими памятниками занимались Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, А. С. Хорошев [Дмитриев; Янин; Хорошев]. Легенду и ее литературные воплощения рассматривал в своей монографии «Древнерусские сказания об иконах Богородицы» А. Эббингхаус [Ebbinghaus, s. 74–76]. По преимуществу его интересовали поздние формы легенды. В основном поздние литературные тексты анализируются и в монографии 1995 г. М. Плюхановой, которая трактует развитие почитания иконы как этап становления на Руси идеи Покрова [Плюханова, с. 31–37]. Важно, что сюжету исследовательница находит параллель в чудесном спасении Царьграда от русов, персов и авар в 626 г. при заступничестве Влахернской Богородицы. Затрагивались проблемы текстов Цикла в работах белорусского исследователя А. В. Ковалева [Ковалев, с. 31–37].

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00010.

Последние данные и новые подходы позволили О. В. Лосевой, А. А. Гиппиусу и Е. Л. Конявской наметить отличную от прежней картину почитания иконы и формирования памятников [Лосева, 2001; Лосева, 2009; Гиппиус; Конявская, 2009а; Конявская, 2009б]. Важны для рассматриваемой темы и работы искусствоведов [Гордиенко; Стерлигова; Шалина; Смирнова]. Однако многие вопросы до сих пор остаются непроясненными.

Л. А. Дмитриев классифицировал памятники, имеющие отношение к этим сюжетам, разделив на два больших корпуса: летописные и нелетописные. Летописные тексты, в свою очередь, он разделил на проновгородские и антиновгородские² [Дмитриев, с. 100–108]. Для рассмотрения формирования Знаменского культа важны, в первую очередь, «проновгородские» тексты.

Самое раннее повествование читается в Новгородской первой летописи (далее — Н1), Лаврентьевской летописи (под 6677 г.) и в Ипатьевской летописи — под 6681 г.

В XIV в., после создания Краткого Новгородского Летописца (далее — КНЛ), свидетельства восходящих к нему летописей начинают представлять несколько иную картину. Победа над суздальцами обусловлена уже чудотворением от иконы, заступлением Богородицы. Таков Рогожский Летописец (далее — Рог.), Новгородская Большаковская летопись (далее — НБЛ) и Летопись Никольского (далее — ЛН). Новгородская четвертая летопись (далее — Н4) и летопись Авраамки (далее — ЛА) представляют компиляции известий Н1 и КНЛ. Позже возникают и литературные варианты сюжета, условно разделяемые на «Слова о Знамени» и «Воспоминания о Знамени». Кроме того, в XV в. возникают церковно-служебные тексты «Служба Знамению» и «Слово Похвальное Знамению», приписываемые Пахомию Логофету, приглашенному в это время в Новгород архиепископом Евфимием.

Н1 говорит о событии так: «Въ лѣто 6677. ...Въ то же лѣто на зиму придоша подъ Новѣгородъ Суждальци с Андреевицемъ, Романъ и Мъстиславъ съ Смольняны и съ Торопыяны, Муромыи и Рязанци съ двема князьма, Полоцьскый князь с Полоцяны и вся земля просто Русская. Новгородъци же сташа твърдо о князи Романѣ о Мъстиславици, о Изяслави вънуце, и о посадницѣ о Якунѣ и устроиша острогъ около города. И приступиша къ граду въ недѣлю на съборъ и съездишася по 3 дни; въ четвъртыи же ден, въ среду, приступиша силою и бишася всъ день; и к вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородъци, силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие, мѣсяца феуаря въ 25, на святаго епископа Тарасия, овы исѣкоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху Суждальць по 2 ногатѣ»³.

Иначе рассказ о событиях дают более поздние источники — летописи, восходящие к КНЛ, (Рог., НБЛ, Летописи из Троицкого собрания № 805, ЛН), который датируется 40-ми годами XIV в. [Конявская, 2010]. Здесь в описание событий вводится чудо Пресвятой Богородицы. Так, в самом раннем из этих летописей Рог. читается: «В лѣто 6677. Приидоша къ Новугороду суждалци и вся земля Роусскаа князь Романъ Андреевич, а въ Новѣгородѣ бѣше князь Романъ млад, а посадникъ Якоунъ, владыка Иоанъ. И вынесоша икону Богородицоу на острогъ на Десятинѣ. И въ то время пустиша суждалци стрѣлы, и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли, и вышедше новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемврия 27 молитвами Святыя Богородица. И продаваху суждалца по двѣ ногатѣ, и оттолѣ отъяся честь суждалскаа»⁴.

В кратком варианте эта фабула представлена Летописью из Троицкого собрания: **Прїидоша сѣздалци к Новѣгородѣ, вса земля Рускаа. Быс(ть) в Новигородѣ**

² Тексты в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, а также в более поздних, заимствовавших из них рассказ.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.: Л., 1959 (далее — НПЛ). С. 33, 221.

⁴ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22.

владыка Иван и княз Роман, и вынесоша икону Стѣю Бѣу на шстрог, и паде на них тма и новгородци повиша, а иных изамаша; и продагаху сѣздалца по две ногати (РГБ. Троиц. № 805. Л. 387).

Как можно видеть, речь в этих текстах идет просто о Богородичной иконе. О том, что это икона — «Знамение», есть свидетельство лишь в НБЛ и ЛН — в качестве заголовка текста (О Знаменїи Стѣи Бѣци). Причем в ЛН оно написано на нижнем поле, в НБЛ следует сразу после рассказа о двинском походе Даньслава Лазутиничя (в предыдущей статье). Это может означать более позднее добавление заглавия [Конявская, 2009б, с. 73], а стало быть, именование иконы Знамением в этом заголовке не может служить доказательством того, что в момент создания данного текста икона имела такое название. Однако празднование иконе в это время уже было, о чем говорит неверная дата битвы в Рог. и НБЛ: вместо 25 февраля здесь указано 27 ноября — в этот день было установлено церковное празднование иконе по случаю избавления Новгорода от врага. Собственно, существованию церковного праздника есть подтверждение и в ранних месяцесловах. Целый ряд рукописей с упоминанием праздника, относящихся к XIV в., был выявлен О. В. Лосевой: Обиходник РГБ. Рум. № 284, Микитино Евангелие РГБ. Рум. № 113, Апостолы ГИМ. Хлудовское собр. № 33 и РНБ. Погодинское собр. № 14, Сборник богослужебный РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 44 и Шестоднев служебный РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 77 [Лосева, 2001, с. 110].

Сами тексты в месяцесловах несколько различаются, но везде говорится о Знаменїи. Так, например, в Обиходнике Рум. 284 (Л. 90б) подчеркивается, что речь идет об иконе: **ВЪ ТЪ Ж ДНЬ ЗНАМЕНИКЪ СТЫПА БѢЦА ИЖЕ НА ИКОНѢ**. В Погодинском Апостоле читается: **ВЪ ТЪ ДНЬ | БЫ ЗНАМЕНИКЪ СТЫПА | БѢЦА** (Л. 131в). В Микитином Евангелии (Л. 234 а) и Хлудовском Апостоле (Л. 211а): **ТЪ Ж ДНЬ ЗНАМѢНИКЪ | СТѢИ⁵ БѢЦИ** и т. д.

Важно, что почти все эти рукописи имеют новгородское происхождение (за исключением Хлудовского Апостола, локализация которого не определена), и едва ли можно согласиться с мнением О. В. Лосевой, что они отражали «устную традицию» [Лосева, 2001, с. 110]. Церковное празднование без текстов осуществляться не могло.

Вопрос о том, почему именно этот образ был выбран и вынесен на острог и с ним новгородцы связывали надежду на спасение, до сих пор не получил однозначного ответа. Исследователи, в основном, придерживались мнения о случайности этого выбора. И лишь П. Л. Гусев в свое время писал: «когда архиепископ Илия брал икону из церкви Спаса, то икона эта была уже известна, прославлена раньше, и даже, может быть, уже называлась Знамением» [Гусев, с. 23].

В. Л. Янин, поскольку имя иконы не упомянуто в ранних источниках, высказал сомнения в верности самой информации о том, что вынесенная на забрала икона действительно та, которая позже почиталась как защитница, согласно легенде: «Коль скоро в середине XIV века потребовалась “реликвия” битвы, ею могли объявить любой подходящий к случаю богородичный образ» [Янин, с. 357].

Однако в последнее время ученые склонны вернуться к позиции П. Л. Гусева. Так, Э. А. Гордиенко не исключает, что икона могла быть использована в качестве палладиума и ранее осады Новгорода 1170 г. — в 1134—1135 г., в битве новгородцев с сюздальцами на Ждане-Горе [Гордиенко, с. 203—205]. Хотя нельзя забывать, что эта битва была проиграна новгородцами.

А. А. Гиппиус затрагивал проблему выбора иконы и ее происхождения в ходе анализа серебряных кратиров Софийского собора в Новгороде. Он приписывает ктирство этих кратиров боярину Петру Михалковичу, выдавшему в 1159 г. свою дочь замуж за брата Андрея Боголюбского — Мстислава [Гиппиус, с. 84—85]. Таким образом, согласно его концепции, эта икона была известна в Новгороде.

⁵ В Хлуд. нет.

Петр Михалкович был близким родственником Якуна Мирославича, (бывшего посадником в 1170 г.), наследником рода Рогволдовичей, идущего от Рёнгвальда Ульвссона, жившего, как и все норвежцы Новгорода, на Торговой стороне. Церковь Спаса на Ильине улице, в которой, как пишется в поздних памятниках, хранилась икона, могла являться культовым центром христианской норвежской общины, поэтому икона дарована именно этой церкви. Выбор иконы и места битвы тогда можно трактовать как символическое содействие двух родственников: Петра Михалковича — ктитора Спасской церкви (поэтому именно эта икона была выбрана) и Якуна Мирославича — ктитора церкви Иакова Перского, которая могла быть центром новгородской обороны [Гиппиус, с. 91].

Однако такой вариант происхождения иконы сам А. А. Гиппиус называет «весьма гипотетическим». А более вероятным ученый считает пребывание иконы в кафедральном Софийском соборе. Впоследствии состоялась «передача» с Софийской стороны на Торговую одной из новгородских святынь» в связи с установлением в середине XIV в. в системе управления Новгородом паритетного представительства Софийской и Торговой сторон [Гиппиус, с. 92]. Именно эти реалии отразили более поздние тексты.

В пользу такого предположения говорит и то, что незадолго до рассказа о рассматриваемом событии — в статье 6675 г. — в Н1 говорится, что новгородцы «цѣловавъше святую Богородицю», отказываясь от князя Святослава Ростиславича, после чего послали в Киев к Мстиславу «по сынъ»⁶. Очевидно, что целование должно было происходить в кафедральном соборе, а икона, весьма вероятно, и была «Знаменем».

По-видимому, само имя «Знамение» икона получила на русской почве, но данная иконография была, конечно, известна в Византии (не позднее X—XI в., о чем говорит распространение этой иконографии в сфрагистике), а также почитание подобных изображений фиксируется в Венеции [Кондаков, с. 103—123]. Среди них, вероятно, были и чудотворные, которые копировались.

Более ранних упоминаний в древнерусской традиции об установлении икон на городской стене при обороне города нет, но рукописи, имеющие миниатюры с сюжетами, подобными Хлудовской псалтыри (Л. 88 об., 110 об., 120) и дающими представление о такой практике, скорее всего, были знакомы русским. Если же такая традиция существовала на Руси, то летописи могли опускать эту подробность как само собой разумеющуюся и поэтому не требующую особого упоминания.

В саму икону были вложены реликвии: это могли быть два замастикованных ковчега с частицей ризы и пояса Богородицы [Стерлигова, с. 555]. По крайней мере, сам факт того, что икона являлась мощеносной, не оставляет сомнений. И. А. Шалина указывает на зависимость иконографии Знамения от иконографии Богородицы Эпискеписис (греч. Ἐπίσκεψις — поручение, свидетельство), выражающей идею защиты и заступничества [Шалина, с. 308—310], где Богородица выступает «поручительницей» за христиан перед Богом. И. А. Стерлиговой же была прослежена связь вложенных в новгородскую икону реликвий с Влахернскими святынями [Стерлигова, с. 555—556], также имеющими семантику заступничества, поскольку в 860 г. богородичными иконами и святыми реликвиями — омофором и поясом Богородицы — от набега русов был спасен Константинополь.

Характерно, что в Софийской I летописи сюжет чудесной помощи ризы Богоматери в 626 г. имеет подробность, которая перекликается со Знаменской легендой: как и при осаде Новгорода, враги города «ослепоша»⁷. Источником этого сюжета считается Еллинский летописец, откуда текст попал в Новгородско-Софийский свод [Творогов, с. 181—183]. Однако

⁶ НПА. С. 32.

⁷ ПСРА. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 260.

этот мотив ослепления врагов отсутствует в рассказе о Влахернском чуде этого года в проповеди Феодора Синкелла, описывающей нашествие варваров на Константинополь в 626 г. Победа там приписывается заступлению Богородицы, которая «потопила их [варваров] моноксилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах»⁸. Феофан Исповедник говорит о чудесном заступничестве кратко: «благодаря Божией помощи, могуществу и заступничеству Непорочной Девы Богоматери»⁹. Нельзя не вспомнить похожее выражение в кратком рассказе НН: «силою крестною и святою Богородицею»¹⁰.

В сходных выражениях говорится о чуде уже 860 г. в Малых хрониках: «предстательством Всеславнейшей Богородицы»¹¹. Сам патриарх Фотий во Второй гомилии говорит, что «пресвятое облачение» Богоматери «обошло стены», и враги ушли от города¹².

Житие Андрея Юродивого с близким сюжетом было известно в Новгороде уже в XII в. Согласно Житию, перед нашествием русов блаженный Андрей, молясь перед богородичными иконами, увидел Богородицу, плачущую и молящуюся. Богородица вошла в алтарь и оттуда распростерла над коленопреклоненными перед образами людьми свой омофор. Важно, что именно в Новгороде начинается почитание Покрова Богородицы [Кириллин].

Рассказ летописей, восходящих к КНЛ, дает новую деталь сюжета: «въ то время пустиша суждалци стрѣлы и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли»¹³. Обращение к городу может быть истолковано как знак покровительства и заступление, и именно так этот мотив был развит в более поздних текстах.

В Псковских летописях говорится, что суздальцы «застрѣлиша икону»¹⁴, в ЛН — «почаша лишатися» на нее (то есть причинять ее вред), и именно после этого икона обернулась ликом на град. Это подводит к мысли о том, что в икону могла попасть стрела, от удара которой икона повернулась вокруг собственной оси. Архимандрит Макарий пишет: «под левым глазом чудотворной иконы находится едва заметное повреждение, вероятно, сделанное стрелою, пущенною суздальским воином в то время, когда чудотворная икона была вынесена св. Иоанном на градские забрала» [Макарий, с. 59].

Повторяется свойственный византийской традиции мотив движения чудотворного образа (ср. Богоматерь Римская (Лиддская) и в более поздних текстах: как икона Богоматери Римской сама движется и дается в руки папе Римскому, так и Знаменская икона «подвижеся... сама» и дается в руки новгородскому владыке. Текст «Воспоминания о Знамени» содержит более точное совпадение. Тут, как и в Сказании об иконе Богоматери Римской, икона взлетела в воздух «аки на херувимы» и «всташа на руку архиепископлю».

Текстуальные корреляции этим не ограничиваются. Так, патриарх Константинопольский Фотий в первой гомилии «На нашествие россов» 860 г. призывает обратиться к Богородице как к поручительнице за людей перед Богом: «настало время... обратиться к Матери Слова, единственной нашей надежде и прибежищу. Возопим к Ней, взывая о помощи: Спаси град Свой... Владычица! Поставим Ее посредницей к Сыну Ее и Богу нашему и сделаем свидетельницей и ручательницей нами уговоренного Ту, Кто передает просьбы наши... Ее ходатайством будем

⁸ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 87.

⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 115.

¹⁰ НПЛ. С. 32.

¹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. II. С. 184.

¹² Здесь и далее текст гомилий Фотия цитируется в переводе П. В. Кузенкова по изд.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М., 2003. С. 60. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/860-880/Fotij/text1.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22.

¹⁴ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 10.

избавлены от нынешнего гнева...». Сходство выражений обнаруживается в литературных редакциях повествований об осаде Новгорода 1170 г., в общем для большинства источников месте — в молитве владыки Новгородского Иоанна-Илии перед иконой Знамение в церкви Спаса: «о премѣтвага кси Гже дво Бце влчце. Прѣтага двце. Ты бо кси оупованик наше и надежа наша и заступница граду нашему, стѣна и престанище и покровъ всимъ крѣтяномъ, на тебе бо надѣкѣмъса и мы грѣшнии. Молиса Гже Снѣ свокуму и Бѣ нашему за градъ нашъ. Не предажь насъ врагомъ нашимъ грѣхъ ради нашихъ. Оуслыши Гже плачь людеи сихъ и прими мѣтву рабъ своихъ. Избави ны Гже градъ нашъ ѿ всякого зла и ѿ супостатъ нашихъ»¹⁵ [Лосева, 2009, с. 331–332].

Молитва произнесена также перед битвой, после чего икона, согласно легенде, сама движется от места и дается в руки архиепископу Илие. В описании самой битвы литературные редакции сказания продолжают тему предстательства Богородицы перед Богом за христиан: «...тогда Бнимъ промысломъ обратиса икона лицемъ на градъ, и видѣ архипѣпъ Иванъ текуша слезы ѿ чѣтныа иконы... симъ бо образомъ молѣтѣса стага Бца къ Снѣ своку (sic!) не дати в поруганик врагомъ нашимъ...» [Лосева, 2009, с. 333].

Согласно Второй гомилии патриарха Константинопольского Фотия, в ходе битвы при Константинополе 860 г. «пресвятое облачение» Богоматери «обошло стены», и враги ушли от города.

Вторая гомилия Фотия продолжает византийскую традицию, предполагающую заступление Богородицы за осаждаемый город, также в связи с Покровским культом: «мы воспряли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего, подвигая Ее уговорить Сына... умиловать прегрешения... Ее покров обрести стеною неприступною, Ее умоляя сокрушить дерзость варваров... дать защиту отчаявшемуся народу, заступиться за собственное стадо; и пронося Ее облачение, дабы отбросить осаждающих и охранить осажденных».

Стоит отметить, что упоминание знамений от икон Богородицы в рассказе о рассматриваемых событиях присутствует в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях: «слышахом бо преж трии лѣт бывшее знаменье Новѣгородѣ всѣм людемъ видащимъ . в трех бо црквахъ Новгородскихъ . плакала на трех иконах стага Бца . провидѣвши бо мти Бжиа пагубу хотящую быти . надѣ Новымъгородом и надѣ его волостью . молашеть Сна своего со слезамѣ . дабы ихъ ѿтинудъ не искоренилъ . какоже преже . Содома и Гомора . но како Ниневгитяны помилуетъ»¹⁶.

Можно думать и так, что аллюзии на Содом и Гоморру и ниневитян внесены в поздние литературные редакции именно под влиянием Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Кроме того, Э. А. Гордиенко, анализируя эмалевые ковчеги с оклада иконы Знамение, на основе явной их связи с воинскими регалиями и датировки ковчегов началом XIII в. заключает, что они могли быть дарованы иконе после одного из походов Ярослава Всеволодовича 20–30-х годов XIII в. [Гордиенко, с. 365–373]. Следовательно, уже к этому времени возможно говорить о существовании культа Знаменской иконы как палладиума Новгорода.

¹⁵ Молитва приведена по тексту «Слова о Знамени» как наиболее ранней литературной редакции сюжета. Текст молитвы в прочих редакциях имеет незначительные текстуальные отличия.

¹⁶ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 361 – 362.

Литература

- Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 77–93.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Т. I. Вторая половина тома.
- Гордиенко Э. А. Десять эмалевых ковчегов на окладе иконы «Богоматерь Знамение» и их место в художественной культуре Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 365–373.
- Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203–205.
- Гусев П. Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л., 1973.
- Ковалев А. В. Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. Вып. 3. С. 39–43.
- Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2.
- Конявская Е. Л. Об одном из этапов формирования легенды о Знаменской иконе // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2009. С. 146–151. (Конявская, 2009а)
- Конявская Е. Л. Об основных этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 68–86. (Конявская, 2009б)
- Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // ДРВМ. 2010. № 1 (39). С. 40–52.
- Кириллин В. М. Похвальное слово празднику Покрова Пресвятой Богородицы неизвестного древнерусского автора: особенности содержания, место и время составления // ДРВМ. 2012. № 4 (50). С. 13–27.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001.
- Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
- Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2.
- Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995.
- Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3.
- Смирнова Э. С. «Смотря на образ древних живописцев...» Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007.
- Стерлигова И. А. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии. М., 2003.
- Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский: текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 1.
- Хорошев А. С. Знаменская икона: древнейшая святыня Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 180–186.
- Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
- Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Приложение 6. «Знаменская легенда» в Древней Руси. М., 1988.
- Ebbinghaus A. Die altrussische Marienikonen Legenden. Berlin, 1990 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Institut (Slavisches Seminar) an der freien Universität. Berlin, Bd. 70).